

Орхан Тунчев

**В клетке
со зверем**

Книга Четвертая

ИЗГНАННИКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Орхан Гулиев

**В клетке со зверем. Книга
четвертая. Изгнанники.**

«Автор»

2026

Гулиев О.

В клетке со зверем. Книга четвертая. Изгнанники. / О. Гулиев — «Автор», 2026

После воцарившегося всеобщего хаоса, на поверхности крепко закрепились три крупные общины из изгнанников, не считая всех оставшихся одиночных мародеров и мелких бандформирований. Власти, спрятавшиеся под землей, продолжают выпускать на поверхность военное формирование, состоящее из головорезов, которые ликвидируют простых неугодных правительству граждан, в том числе и семьи тех, кого они силой забрали под землю. Автор поднимает вопросы: где истинный Бог? Кто достоин спасения? И можно ли сохранить человечность, когда рушится мир? Роман издан в 2018 году. Подписывайтесь на канал в YouTube – Орхан Гулиев книги. Там Вы найдете эксклюзивные аудиоверсии книг со звуковыми эффектами + много интересного контента!

© Гулиев О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

В клетке со зверем. Книга четвертая. Изгнанники.

•

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Гулиев О.

В клетке со зверем. Книга четвертая. Изгнанники: роман / Орхан Гулиев. – Владикавказ : Издательство “Литера”

ИП Цопанова А.Ю., 2018. – 284 с.

ISBN 978-5-00081-218-1

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой её части запрещается без письменного разрешения автора. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Аннотация

После воцарившегося всеобщего хаоса, на поверхности крепко закрепились три крупные общины из изгнанников, не считая всех оставшихся одиночных мародеров и мелких бандформирований. Власти, спрятавшиеся под землей, продолжают выпускать на поверхность военное формирование, состоящее из головорезов, которые ликвидируют простых неугодных правительству граждан, в том числе и семьи тех, кого они силой забрали под землю.

В клетке со зверем

Книга четвертая

Тишина... Она словно впитала в себя всю обреченность одиночества... Так крепко обьяла душу и пустые стены в полутьме, что теперь больше не даст иным звукам ворваться сюда. Коварно витает в немом дуновении, словно живая... Вопросает своей пустотой: «И что теперь? Мир отвернулся от тебя. Ведь ты одна из тех, кого зовут...»

Изгнанники

Часть первая

Посев

Закрыв на щеколду дверь ванной комнаты, упершись спиной в стену, покрытую холодным кафелем, она медленно сползала к полу. Глухие рыдания сотрясли ликующую тишину.

«Малышка Кира... Что стало с твоей жизнью?..»

Похолодевшая ладонь схватилась за лицо, зажав задрожавшие губы, открывшиеся в безмолвном крике.

«Нет... Нет в этом мире никого, кто бы помог нам. Ты оставил нас изгнанниками в нем. Не дал даже одного человека, кому можно было бы постучать в двери. Не дал ни братьев, ни сестер. Мы – изгнанные сироты... с которых нечего взять. Каждый на нашем пути норовит лишь разорвать нашу плоть и растерзать душу... Господи, как же мне страшно!.. Страшно от этого мира... насквозь прогнившего – в нем не осталось ни грамма сострадания»

Прижав ноги к груди, она, в глухом рыдании, склонила лицо к коленям. Пальцы рук ее медленно проскальзывали сквозь свисающие волосы. Ведя внутренний диалог, Кира вспоминала свое детство: каким светлым и чистым оно было. В голову приходили, как вырезанные отрывки из яркого кино, кадры собственной жизни – в них можно было уловить открытые улыбки и счастливый смех... дорогие лица...

Запрокинув голову и вновь закрыв глаза, она в лихорадочной дрожи вобрала в грудь воздуха (перед глазами школа, подростковые годы – все так быстро пробегает обрывистой пленкой!..), руки обессилено сползли по лицу, с которого скатывались и срывались на кожаную черную куртку горячие слезы.

– Нет... – Кира заливисто разрыдалась в голос.

Словно пытаясь проснуться и отпрянуть от кошмара, она отрицательно завертела головой, крепко жмурясь и прижимая ладони к своему лицу... вспоминая теперь и все то, через что ей пришлось пройти, чтобы найти себе на кусок хлеба... Все насилия и унижения...

– Мама... – заплаканный детский голос заставил резко распахнуть глаза. – Мамочка... Эдриан...

По сердцу разлилась раскаленная лава боли, отчаяния и страха лишь при мысли о том, что ей придется сказать ему...

– Где мама?.. Мамочка, – чуть погодя, вновь прохныкало дитя, притулившись к парадной двери небольшой съемной квартиры.

Кира осторожно щелкнула щеколдой, чуть оттолкнув от себя дверь ванной комнаты: не переставая плакать, она не решалась выйти, наблюдая за ребенком сквозь приоткрывшийся проем.

«Господи... Дай мне силы сказать ему...»

Ребенок, будто почувствовав на себе взгляд, сидя и хныкая около парадной двери, повернул заплаканное лицо в сторону Кире.

– Эдриан... – решила она распахнуть настежь скрипучую дверь.

– Где мама?.. – опухшие от слез глаза его вопрошающе взирали. – Где мама?..

– Эдриан, я...

«Давай же, наберись сил!»

Она вышла из ванной комнаты и сделала два неуверенных шага к ребенку.

«О, Господи, как же это тяжело!..»

Душа ее разрывалась изнутри... Она... Она не знала что сказать...

Лишь живая тишина довольно (точно в отместку за то, что ее покой потревожили, окончательно прогоняя ее саму вырвавшейся из уст скорбью) улыбается, витая в полумраке, среди холодных, пропитанных болью и полным отчаянием стен. Отстраняется все дальше и дальше – ввысь, оставляя внизу двух потерявших надежду птиц, заключенных в клетку со зверем безысходности...

– Нет, ты врешь! Ты врешь!!!! – маленькие ручки колотили грудь Киры, которая также сиротливо рыдала, глядя в глаза ребенка, как бы тяжело ей это ни было, будто пытаясь вобрать в себя всю их боль, причиненную ее словами правды...

Что делают с людьми деньги?..

Одних они поднимают над землей, и глаза богачей уже не могут посмотреть вниз. Других же они опускают на самое дно омуты, и даже самый гордый, не раздумывая, устремится в это дно вниз головой, окунется в грязь, ради дорогого человека. И если удастся вырваться из тяжелых объятий свинцовой бездны и подняться вверх, чтобы сделать краткий глоток воздуха, то тяжелые воды, сдерживающие тебя до сдирания твоей измученной плоти, все же омоют тебя от той грязи, что лежала на дне... Вот только вопрос. Стоит ли это таких усилий, протяженностью в жизнь? Ведь для кого-то, самый близкий человек – это он сам.

Есть ситуации, когда у нас нет выбора. И на кону стоит не наша жизнь, не наше достоинство. Бывают роковые моменты, когда мы вынуждены заниматься тем, что другие с легкостью осуждают, не зная истинных мотивов. Только самый очерствелый сердцем лицемер может обвинять человека, которому не от кого ждать помощи: ни от пап, ни от мам, ни от дядей и тетей, и ему приходится надеяться только на себя, чтобы выжить... и дать жизнь тем, ради которых закрывают глаза на собственную жизнь. Никто не может дать точных гарантий, что он до конца своей жизни просидит у теплого камина, в окружении огромной родни, сто процентов уверяя себя, что жизнь не доведет его до ситуации, когда ему нужно будет выбирать – собственное достоинство или выживание. При этом хорошо будет, если в жизни на тебя еще не будут смотреть голодные глаза, например, твоих же детей.

Примите то, что вас ничем не сломить. Вы бессмертны духом. Господь правильный во всем. Даже в своих наказаниях, которые мы сами себе создаем, мы должны увидеть спасение своей души. Обращайтесь к Богу! Обращайтесь с благими намерениями! Услышьте Бога в своем сердце! Порою, стоит поменять свои ценности. У каждого они свои.

Я верю, вы будете бороться! И не сдадитесь...

Слова Апостола – Картера Морриса.

2

– Мне очень жаль.

В ответ – лишь рев мотора, который еще сильней набирал мощь.

Скорость... Она заставляла замирать сердце. Взирая сквозь окна полицейской машины, можно было видеть, как пшеничные поля быстро проносятся из виду.

Фрэнк, не ожидая ответа на свои слова, опустил скованные наручниками запястья (из-под рукава его куртки, наконец-то, выпала и легко легла в ладонь скрепка). Взгляд внимательно следил за впереди сидящим полицейским.

– О чем ты?

Фрэнк отвел взгляд в окно.

– Скоро все сам поймешь.

Воцарилось недоуменное молчание, и затем:

– А знаешь... моей матери не нужны были эти грязные деньги... Даже если бы она была жива.

Холодный, непроницаемый взгляд полицейского (Рональда) на мгновение отвлекся от быстро убегающей под колеса автомобиля бесшумной дороги скоростной трассы. Глаза с прищуром глянули в зеркало, на позади сидевшего заключенного (Фрэнка).

– Я солгал... Она умерла два года назад. Но я до сих пор обманываю себя, что ей нужна моя помощь.

- Тогда зачем?
- Меня искали по другой причине. Я знал, что с миром произойдет все именно так.
- Что за чушь? Я в это не верю.
- Может, отстегнешь их? – Фрэнк вопросительно глянул на свои руки. – Куда ты меня везешь?

Непродолжительное молчание все же нарушил голос Рональда.

– Столько ублюдков, подобных тебе, которые плюют на закон, каждый день убивают простых людей... Ты думаешь, я тебе дам просто так уйти?

– Я никого не убивал, Рональд... Что ты собираешься делать?

– По таким, как ты, плачет тюрьма, Фрэнк. Я позабочусь об этом. Мне нужно будет отвезти тебя в участок. Но сначала мы поедем ко мне домой... Да, домой.

– Сними с моих рук наручники, – спокойно произнес Фрэнк. – Ты правда думаешь, что в участке сейчас до меня будет какое-то дело? Я не хочу сдохнуть по дороге к участку. Ты сам видел, что происходит в городе. Слышишь?

– Домой... Мы поедем сначала домой! – закричал резко Рональд. – А потом я довезу тебя до тюрьмы. Нет... То есть до участка... Ты понял меня?! Боже, да что же это?

– Что ты делаешь? Ты меня слышишь? Эй, офицер!

– Меня не интересует, куда ты попадешь, и, что с тобой будет. У меня семья. И я не знаю, что с ними. И мне насрать на твои проблемы, Фрэнк! Ты понял?... Ну... чего молчишь? Ты сам их создал.

Рональд тяжело выдохнул: он, как никогда раньше, был на взводе – не знание того, что сейчас с его семьей, не давало покоя. Он пытался поймать себя на мысли, что все хорошо и ничего плохого с его семьей не произошло, в отличие от людей в городе. Трассе словно не было конца.

– У тебя есть сигарета?

– Что?

– Очень курить хочу.

– Нет у меня сигареты, Фрэнк!..

Вновь молчание – задержанный на заднем сидении вновь замолк, тяжело опустив голову.

Рональд на мгновение задумался. Утер со лба пот и нервно отвел от Фрэнка взгляд.

– Черт! – рука порывисто потянулась к бардачку салона. – Держи, мать твою. Последняя.

Рональд протянул сигарету сквозь заграждающую сетку.

– Оставь себе.

– А ты думаешь, что всю ее выкуришь сам?

Фрэнк потянулся к сетке и взял застегнутыми руками сигарету. Рональд протянул зажигалку, щелкнув ею у припавшего к сетке лица Фрэнка. Тот жадно затянулся, закрыв затем глаза. Рональд положил зажигалку на соседнее сидение, моментами следя в зеркало за Фрэнком. Фрэнк затянулся еще раз и медленно выпустил дым из носа, словно выпуская все напряжение, которое собралось в нем за эти дни. Все, что застыло тяжестью в его душе. Руки его дрожали и держали дымящую сигарету. Рональд нервно улыбнулся, он как бы сам ощутил то чувство, которое испытывал Фрэнк, и перевел взгляд на дорогу.

– Спасибо.

– На здоровье.

– Докуришь?

– Наслаждайся уже.

– Вы так далеко живете от города, Рональд?

– Мой дед хотел как можно дальше быть от него. Господи, как я их всех хочу обнять! Дождитесь... Дождитесь меня, мои хорошие, – словно в забытьи, проговаривал полицейский.

– Рональд, твою семью...

– Просто закрой свой рот!

– Ты сам видел тех тварей, которые напали на нас в городе. Ничего не слышал об экстренной эвакуации?

– Замолкни! – взревел Рональд. – Я хочу просто добраться до дому, и убедиться, что с моей семьей все хорошо.

Фрэнк вновь отвернулся к окну, тяжело вздохнув – он словно что-то знал о семье Рональда, чего не знал сам полицейский.

Мне стыдно за свою жизнь. За свой постоянный голод и мытарства в поисках этого горького хлеба. Я не видела ничего хорошего. Только вечные унижения ото всех. От родных, наверное, больше, чем от чужих... Я помню, как мама меня послала к своей сестре, хоть за какой-нибудь едой. Нам вечно было трудно с этой проклятой копеей. Мама работала на заводе, посменно, а я училась в школе. У нас никогда не было никаких сбережений. Мы жили от зарплаты до зарплаты. А зарплаты этой хватало впритык. И вот наскребли мне на автобус денег, и поехала я в соседний городок к тете за подаянием. А она работала управляющим главного ресторана того города, который находился рядом с железнодорожным вокзалом – хорошее местечко было для потока протекающей клиентуры, не правда ли? Если бы мне это рассказал кто-то, то я бы удивилась, и сказала: «Да ну, как такое возможно? Кровные, родные: один еле наскребает на хлеб насущный, а другой вроде ничего устроился». Хотя... никто никому не обязан, и у каждого хватало собственных проблем... Но когда тебе каждый день подпирает брюхо, то, наверное, это уже самая первая проблема. Ну хорошо хоть ходили на своих двоих. Бывает и хуже.

Нет малых и больших печалей. Каждая слезинка по любому огорчению не истекает просто так. Она отзывается в сердце Господа. И об этом Он сам поведал.

Главным хозяином тетиной жизни был ее муж, который блюдил все. Хоть мы всегда паслись у них при случае. Мама при этом выполняла роль служанки. Нам некуда было податься. А бедный родственник, если он вдруг нехстати, то может и отправиться восвояси. Так вот приехала я, дошла до ресторана. А тетя с какой-то дамочкой, провела ее на кухню, и там той говядью ляжку отвешивает любезно. Ну а тут я, как тот щенок, нарисовалась.

«А ты что, приехала?»

«Да, мама послала»

С недовольной миной: «Вам тоже, может, мяса дать?»

«Ну, если можно, дай»

«Дайте там вот...»

Всучили мне кусок мяса, идем домой молча. Пришли. Ни душевного слова. Ни вопроса: «как вы, что?». Стою, как попрошайка. Через какое-то время у меня спрашивают: «Кушать хочешь?», не глядя в мою сторону, с нервным оттенком.

«Нет, я не голодна»

А живот свело спазмом.

Через некоторое время она мне дала что-то поесть. И горло перехватило тем же спазмом... И я поперхнулась. Наверное, сильно проголодалась. А тетя так посмотрела на меня с кривой ухмылкой...

«Хм, не голодная она...»

Прошло столько лет... Но я не могу этого забыть.

Я не хочу ничего вспоминать. Ничего возвращать. Никого не хочу вновь встретить. Но вот беда. Я не могу без них жить. Вот решала вопрос... Если я буду уходить навсегда, навечно (почему-то мне это видится, что я буду идти по воде), обернусь ли я? Думаю, что нет. Не обернусь. Не на что. Все прошло. Мое прошло. Зачем искушаться? Это всего лишь картинка. Она уже вне кадра. А я пойду. А кто держит меня за руку?

Приход человека на землю заключается в том, чтобы помочь кому-то. Не ради себя. Если только ради себя, то ничего не добьешься. Если ради кого-либо или чего-либо, то будет дано и тебе. И это не всегда благодарный труд. Но это не ради благодарности, а ради себя самого... Может быть, это и напрасно. Но смотря, как кто видит свою жизнь. И по-другому – он не сможет.

Я знаю, кто я. Я избранная. Посланная сюда от Иерархии Света. Воплотившаяся. Очень сильная. Которая в начале не осознавала своего пути и появления в физическом теле на Земле. Нахожусь под Великим покровительством Высших Сил. Избранная Богом Светлым Иисусом Христом, Иерархом, чтобы не сбилась с пути и последовала за Ним. Поэтому мне были посланы здесь не испытания, нет, но сценарий провести здесь земное время. Во временных тяготах, посильных, и мне поэтому было отказано (в слезной мольбе просила избавить меня от физического недуга, не соответствие всему моему облику и мировоззрению, так как я очень сильна: наделена силой духа и талантами, и поэтому могла уйти от своего предназначения, которое еще не пришло в действие и ждет своего главного часа – спасения!). Я могла перейти на сторону власть дающих на земле, получая большие блага. Все дается для простого прожизвания, не разрешается более. Мы люди Света не для этого здесь воплотились. Если бы сразу помнили о своей миссии, то не мучились бы смятением духа, тоской по не реализованным достижениям в земных мерках, так как ею управляют пока что темные, демонические силы, хозяева, стоящие у руля всех направлений.

Чтобы не соблазниться, по причине заблокированной памяти, все идет интуитивно, на подсознании... «Не проси» – ответили мне. И: «Я специально это сделал, чтобы вы пошли за мной». Иерарх сам выбирает себя учеников. Апостолов. Проводников его вибраций. Даже фанатично верующие, при молитвах и постах, будут убраны с дальнейших воплощенных планов вселенских и перенесены на более низкий уровень плана, если у них низковибрационное сознание. И люди с высоким вибрационным сознанием должны перейти на более высокий уровень плана сознания.

Я была и есть подвержена сильнейшим нападкам темных сил, из-за своей высокой энергии. И отдавала ее, видимо, взамен чего-либо. Чтобы это было сохранено и спасено. Брала, как сексуальную, так и психическую энергию. Я проводник. Но уже порядком подуставший. Они это знают, и руководят. Земные блага, при всех раскладах, не дадут удовлетворения. И меня к этому то и приучили, чтобы я не отвлекалась и не забывала о том, что мой дом не здесь. Все в рамках, иногда жестких. Здесь только служить и отдавать энергию. Повторю, взамен чего-либо. Эдриан... теперь мой сын, также от другого мира. Воплотившийся пришелец, который принесет слово в этот мир, путем своих произведений, даденных ему высшими силами и от которых он сам. Рожденный от униженных и оскорбленных на этой земле. По силе духа намного выше меня. Я дана ему для поддержки на планете Земля.

Все впереди, и мы не должны уходить от своего пути. Да нам и не дадут, и мы не сможем. Потому что мы – миссионеры.

Исповедь Киры Джеймс,

спустя десять лет

3

– О, Боже... Карлес! Карлес, мне нужна помощь!..

В углу следующего полупустого подвала сидели, забившись, четыре раздетые женщины, которые с ужасом смотрели на громадного вояку.

– Все позади, – дрожащим голосом произнес он. – Вы меня понимаете? Понимаете, что я говорю? Все хорошо. Мы вам поможем.

Он хотел было протянуть руки, как женщины всей силой закричали. Прильнув друг к другу, они еще сильнее забились в темный угол, куда не падал свет из открывшегося проема.

– Нет, нет! – военный тут же отдернул обратно руки и прижал их к груди. – Все хорошо. Господи...

– Джед!.. – зашипела рация. – Джед, что там?

– Здесь еще четыре женщины, – ответил темнокожий здоровяк, с ужасом оглядываясь по сторонам полуразрушенного здания. – Где вы, Ленни? Где Картес?

– Картес нашел еще один подвал. Е-е-еще не всем лю-ю...дям, обстрелянным на улицах, оказали помощь. Гос-с-споди, я не знаю. Я не знаю, что делать!.. Нужно больше рук... чтобы оказать... помощь всем. Они умирают, черт возьми!.. – как бы с трудом подбирая слова, невнятно проговаривал Ленни.

– Ленни...

– Гектор в коме, он не приходит в себя. Расстрелянные люди, Господи, их очень много, улицы залиты кровью. Тут даже не раз-з...берешь... среди в ряд наваленных тел, кто из них... живой...

– Ленни, что с твоей речью? Возьми, мать твою, себя в руки! Ты...

– ПО...Ш-ШЕЛ ТЫ! Какого черта мы от-т-тпу...стили Самира и Тень бежать за этим чертовым головорезом? Мы в полной жопе!..

– ПРИЙДИ В СЕБЯ! – взревел Джед Рид, плотно сжав рацию. – Ты слышишь меня? Мы справимся! Не теряй бдительность. Возможно, кто-то из отряда «96» уцелел.

– За мной, – не оборачиваясь на мужчину и женщину в окровавленных одеждах, идущих позади него (одни из уцелевших горожан мусульманского города), военный махнул вперед себя поднятой рукою, осторожно двинувшись вниз, по разбитым и запыленным ступенькам подвала.

Яркий свет песчаного солнца, пробивающегося из расщелин руин, остался позади них.

– Стоп! – ладонь военного резко устремилась ввысь, застыв в воздухе. Прицел оружия не прекращал буравить полутьму, где с трудом можно было уловить силуэты предметов.

Щелчок!

Позади военного израненная девушка включила ручной фонарик.

– О, Бог мой...

Военный в шоке попятился.

Устремленный вперед свет от фонаря дернулся: девушка позади военного стала блевать, а мужчина в ужасе стал молиться по-арабски.

– Картес? – голос из рации. – Картес, где ты?..

Картес застыл от того, что предстало пред его глазами.

– Картес? – вновь голос Джеда из рации. – У нас проблемы с Ленни... Я вытащил еще четырех женщин. Новый план. Оставляем поиски пленных жителей! Нужно помочь тем, кто умирает на улицах. Я думаю, отряд «96» полностью ликвидирован. Слышишь меня?.. Картес?.. Картес...

Дрожащий шепот: – Что эти твари здесь творили?

– Меня всегда волновал вопрос – почему в Библии говорится, что прежнее больше не придет на сердце?

– Все имеет научное доказательство. Память имеет электромагнитную природу. Этим объясняется многое, а в частности то, почему мы не помним наших прошлых воплощений. А также нам было предсказано «что будет так, когда прошлое минет, и старое не вернется больше на сердце», то есть, мы не будем больше вспоминать прошлое. Не сможем.

– Почему?

– Мы переходим квантовые уровни, параллели, при этом происходит обнуление магнитного поля, не только по всей Земле. Это происходит раз в эпохальные переходные моменты, когда меняется нахождение всех планет во Вселенной. Какие-то планеты уходят на высшие уровни, какие-то погружаются вниз. За это ответственны те, кто их населяет. Но мы затронули слишком большой отрезок временных вех. Ведь реинкарнация происходит, конечно же, не через такой большой промежуток времени. Это две немного разные темы.

– Мне кажется, что мы все проживали эту жизнь, и здесь мы находимся на отработке каких-то своих поступков, моментов. И именно по дежавю мы можем это знать. Дежавю, как опознавательные ключевые знаки. Именно когда мы сталкиваемся с таким знаком, можно сказать, что в этот момент у нас и происходит изменение ситуаций; в поступках ли или в мыслях, но мы исправляем, что-то, что когда-то было признанным неправильным. Или же дежавю, как общая точка...

– Простите, что вновь перебиваю, но, а как бы Вы объяснили слова, а именно «Поймать душу»? Если душа энергия, с научной точки зрения, то получается, в век наших технологий ее можно поймать и перенести, например, в того же киборга. И сделать так, чтобы он думал, что он настоящий и проживает свою первую жизнь. Я, конечно, не ученый, просто рассуждаю, но я веду к тому, что может быть сбой и у того же киборга, и у него может пробиваться в сознании прошлая жизнь человека, подсознание которого ему вживили. А что если мы все вторичный продукт, которым вживили чье-то подсознание? Тогда можно объяснить и парадокс с дежавю. Или нет?

– Душа нечто большее, чем сознание. Но вы правы, в наше время можно поймать и ее. Как еще в старину боялись люди, что дьявол заберет их душу. А сейчас, получается, что человек занял нишу дьявола. А, может, человек и есть, как бы максимально мягко сказать, чтобы не обидеть наших слушателей...

– Конечно же, что не все, но, безусловно, сюда можно отнести даже тот момент, что некоторые, подобно киборгам...

– О-о-о, на эту тему можно много выдвинуть домыслов. У нас не так много времени осталось, друг мой. И, по-моему, мы поговорили о многих теориях, из которых нашим слушателям можно вынести свои теории и выводы...

Последнее вещание

радиостанции прошлого мира

4

– Готов?

Пододошедший к краю тротуара, коснулся микронаушника в ухе. Длинное черное пальто развевалось на ветру. Спрятанное под капюшоном лицо почти полностью закрывала черная повязка и широкие затемненные очки. Взгляд устремлен на здание через дорогу.

– За дело.

Глава 1

озарение

[Раскрытие главы 7 романа «В клетке со зверем. Книга первая. Ползучие черви»]

– Мэм, так Вы хотите закрыть счет?

– Да, – улыбаясь во весь рот, закивала высокая пожилая дама.

– Простите... – девушка (сотрудница банка, с бейджиком на груди, ярким пятном выделяющимся на белой рубашке) замешкалась, вновь начав быстро набирать продиктованную ранее фамилию. – Вы можете повторить свои данные? – девушка пристально вгляделась в лицо пожилой дамы – в нем было что-то не то... – Мэм?

– Да.

– Повторите ваши данные.

– А в чем проблема? – удивилась дама.

– Просто ваши данные не отображаются в реестре...

– Что значит, не отображаются? Я постоянная клиентка вашего банка. Меня знает начальник.

– Если хотите, мы можем...

– Конечно, я хочу, чтобы Вы позвали его.

– Одну минуту, – сотрудница банка потянулась за телефонной трубкой. – Мистер Дьяков, у нас тут небольшое недоразумение. Вы можете подойти?.. Да... Конечно.

– Что-то не так?

– Все хорошо. Мистер Дьяков сейчас подойдет. А, кстати, вот и он...

– Добрый день!

– Добрый. Девушка утверждает, что у нее поломался компьютер...

– Я такого не сказала, – пожала плечами девушка.

– Я пожилая леди, заслуженный учитель, но я не разбираюсь в ваших компьютерах. Что Вы там говорили, меня не интересует.

– Так в чем проблема? – растерянно глянул на сотрудницу мистер Дьяков.

– Она просто не... О боже!.. – вскрикнула, как и многие, молодая сотрудница.

У прохода прозвучал хлопок, заставивший всех присутствующих в широком помещении обернуться.

– Господи, что это?!..

К ногам стоящих у касс людей покатались металлические баллончики, быстро выпускающие из себя серый дым.

– Только попробуй... – стоящая перед кассой пожилая дама моментально достала из-за пазухи прозрачную маску и приложила ее к лицу. Кассирша опустила взгляд на руку стоящей перед ней женщины. В сторону начальника и девушки был направлен пистолет с глушителем. Все также продолжая улыбаться (неестественная улыбка ее чем-то даже пугала), старуха подмигнула оторопело стоящему начальнику. – Не жди чуда. В моих сиськах еще одна. Помадай, Дон Жуан, старушку!

– Господи!.. – кинувшиеся к выходу люди, кашляя и закрывая лица от едкого дыма, в ужасе отпрянули назад.

– Мистер Дья... – девушка за кассой хотела было ухватиться за начальника, быстро нащупавшим за пазухой старухи дымонепроницаемую маску...

– Мистер Дьяков, дышите размеренно, – улыбнулась в кривом оскале высокая старуха.

– Ты, что, вжился в роль? – в дверях банка стоял мужчина в темном капюшоне, на спрятанном под очками и повязкой лице также была надета дымонепроницаемая маска.

– Криворукий потрудился на славу. Он гений, такого еще не было, – обернулась на парня в капюшоне высокая старуха. – Силиконовую рожу не отличить от настоящего лица...

– Ближе к делу, – быстро проговорил мужчина в черном капюшоне. – Кристи, ты отключила систему вызова копов?

– Да, – проговорила сквозь прозрачную маску белокурая девушка из соседнего окна, и быстро встала со своего места.

– Кристи? – удивленно глядел на нее Дьяков.

– Дышите ровно, сэр, – ответила она, торопливо вбивая что-то в компьютер.

– У нас три минуты, – моментально подошедший к кассе мужчина в капюшоне, глянул на начальника банка. – Мистер Дьяков, будьте любезны, отоприте хранилище.

Дрожа лицом от шока, Дьяков на мгновение уставился на сдирающую с себя лицо старуху.

– Что ты творишь, отморозок?! – гневно обернулся на «старуху» мужчина в капюшоне.

– Все в норме. Нам не понадобятся уже наши лица и имена.

– Закрой свою пасть! – подскочил он к коротко стриженному мужчине, который, перед тем, как содрать с себя силиконовое лицо, задержал дыхание, а затем быстро нацепил защитную маску.

– Чуть не прилег рядом, мать вашу, – кивнул он на лежащую девушку. – Кристи все равно отключила камеры. Паспорта готовы. Новые лица и отходные пути тоже. Что касается тебя, то меньше всего я бы нервничал, находясь на твоём месте. Тебя и так ищут...

– Парни, все готово. Мистер Дьяков?

– Черт! – вскрикнул Дьяков, зажмурившись: в этот момент мужчина, изображающий ранее старуху, разбил рекламное табло над кассой, и с легкостью перепрыгнул через кассовую стойку.

– Не мешкаем! – схватил он Дьякова за шею, быстро устремившись с ним к дверям хранилища.

– Две минуты. Отстаем, мать вашу, от графика! – парень в капюшоне напряженно глянул на закрытые железными ставнями двери и окна.

– Все готово! С вами приятно было работать, мистер Дьяков, – с прищуром моргнула девушка начальнику банка, который успел лишь ахнуть, до того, как стоящий рядом мужчина сорвал с его лица дымо непроницаемую маску.

– Бай-бай!

– Я открываю ставни, машина через дорогу!..

– Давай!

Хорошо, что Кристи подробно расписала, где находится черный ход этого чертового банка... Я не знаю, нашли ли они нашего гения, который сообразил нам лицо старухи, которое практически не отличить от настоящего... Не знаю и того, попался ли им Брайан Барнз [Глава 1. Идолы, (4) «В клетке со зверем. Книга вторая. Когда от меня все отвернулись»]. Одно я знаю точно. Это была самая глупая затея, на которую я когда-либо подписывался. Тогда я просто сошел с ума. Заболела моя мама. Помимо этого, меня уже искали, потому что я знаю то, чего не следовало знать простому человеку. Чтобы начать новую жизнь и свалить куда подальше, нужны были деньги... всем нам. Меня бы все равно поймали. У меня не было вариантов. А что касается моей команды? Помимо денег, они хотели доказать им. Доказать что? Я не знаю. Брайан Барнз с пеной у рта заявлял, что хотел отомстить за всю свою скотскую жизнь, грабнув этих чертовых богачей... Но что-то пошло не так. Я слышу это утро отголосками, словно отзвуки далекого прошлого... Хотя прошло всего несколько часов. Кто бы мог подумать, что эти деньги больше никому не пригодятся... в новом мире!

– Каждому по две сумки. Не спеши, Кристи. Мы опережаем график.

– Можно будет уйти через парадный вход, – ответила она и как-то сумбурно, словно бравируя, направилась к выходу: из руки у нее выпала сумка с деньгами, к которой она нагнулась. Железные ставни вдруг автоматически поднялись вверх...

– Только не это... – лица в черных масках и направленные на девушку автоматы словно застали врасплох, хотя это было так ожидаемо...

– Кристи, НЕТ!..

– ЛОЖИСЬ! – Брайан Барнз успел сбить меня с ног... перед тем, как группа захвата успела расстрелять нашу напарницу. Господи, они сделали из нее решето...

– ПЛАН... Б...! – из-за пальбы и автоматных очередей (этих налетевших коршунов даже не смутили лежащие на полу люди) я обрывисто слышал крики Брайана.

И все, что я помню теперь, так это слова, подгоняющие самого себя в бегстве от закона:

«– Беги... Беги, чертов сукин сын!..» – **[Отсылка к главе 7 романа «В клетке со зверем. Книга первая. Ползучие черви»]**

Можно уйти в монастырь и спрятаться от этого мира, от зла. И говорить, что ты хороший человек. Но сложнее бороться со злом, и оставаться при этом человеком в самом эпицентре ада искушений. И главное зло, находится в тебе, Человек! Оно сковывает тебя, и как бы ты ни старался быть добрым и всепрощающим, ставя себя на место тех, кого осуждают, все эти вериги будут взгромождаться на тебя неподъемным грузом. Отстранишься ты ото всего и займешься только собой, в устремленном ввысь самопознании. Где ты это сможешь сделать? В землянке? На пике горы? В самой глубокой пещере? Или же последуешь примеру толпников... при современном мире? Тест усложняется. Прошли те времена. А значит, ты достоин того, что дошел до уровня нынешних времен. Тебе дали возможность явиться вновь. Мы не можем сказать слово «гордись», ведь гордиться нам не перед кем и не перед чем. Нет слова «гордость» во вселенском миропонимании. Можно так много сказать, только лишь по слову «гордость»... Кто выдумал его? Конкуренция перед кем, перед своими собратьями? Возвышаться над кем? Ибо выше нас есть Один Единственный, с которым мы связаны непрерывающимися нитями, исходящими из тела в тело. Не обрывайте эти нити. Не вбрасывайте себя в вихрь молекулярного распада. Вы не исчезните, нет. Мельчайшие эфирные частицы, наноатомы, – носители вашей энергетической души, смешаются с другим вихрепоток. И каким бы черным ни было то, с чем вы сольетесь, при самых разноцветных спектрах, при смешении – оно убелится. Вы не одержите верх своей темной стороной. Вопрос. Так что же чище? Черный поток или белый? Какой хор находится в белом свете! Как много в нем красок! Перекликаний. Стремлений друг к другу красок разноцветного спектра. Как покойно-глубинно окутывает тьма! Как густо звенят ее басы! Как звонко переходят они ввысь!.. Тонко звучащими сферами. Великими, перекликающимися, со звонким стрекотом земных цикад. Так есть ли разделение между черным и белым? Так есть ли середина? Связующее звено? Сможем ли мы постигнуть его? Дойдем ли до того уровня, когда нам разрешат? Кто нам сможет разрешить? Те, кто нас создал? Или Тот, кто создал Их? О-о-о, Их сила велика! Святые и Ангелы. Не убоюсь ни вас, ни демонов, хотя взываем и к тем и к другим по слабости своей. Они так плотно покрыли своей сущностью истину, и в полной мере – Их касается слово «гордость», о котором ранее мы так много хотели сказать. Они вкусили это слово в действии своем полностью! Вершители судеб... которые попали в свою западню. Дети, которым позволили иметь свой маленький зверинец, на время забывшие, что над ними око того, кто их породил. Взывайте к Тому, кто создал всех! Мы разучились, не знаем, как это делать. Нас сковала паутина безволия, лени искусственной. Потому что это не та лень, при которой «можно бы сделать, а не хочется». Эта лень другая. Это болезнь. Болезнь атрофирования нашей воли. Разве вы не замечаете, что погружаетесь в дурманящий сон? А если вы активны, то активны так изнуряюще, на одном дыхании. И все без толку. Все впустую, безрадостно. Твоя энергия, как выжатый сок – испита. Твои ресурсы все равно будут забраны.

Зло – это вирус, которым заражено человечество от носителей. Человек вторичный создан в условиях стерильной лаборатории. Но кто же его заразил? О зле не знали бы, если бы уже не носили в себе. Если бы уже им не было пропитано пространство, в котором был создан человек. Человек – Адам не мог находиться вечно в Эдеме, охраняемым Ангелом. Это были ясли. А зло – это прививка? И весь путь потомков Адамовых, до определенного срока, – это выработка антител к вирусу, под названием зло!.. Мы закрыты в карантине.

Слова Дерекы – лидера фанатиков общины «Панацея»

5

– Господи-и-и!.. – протягивая вперед себя руки, Рональд не замечал, как ноги перестали уверенно держать его, и теперь лишь ковыляют по примятому газону.

Фрэнк Миллер, скорбно сжав губы, отвернул лицо от стекла полицейской машины.

– Нет, НЕТ!!!!.. – ноги Рональда Томаса онемели, и он свалился на землю. Не выпуская из виду своих близких, он продолжал тянуть к ним руку: на покрасневшей шее взбухли вены, звук его крика точно отключили для него самого. Рональд, больно упираясь плечом в землю, не в силах подняться, кричал изо всех сил.

– Дебби-и-и!.. – в безумии ревя, он встал на ноги, ни на секунду не выпуская из виду истерзанные тела, стал рвать и стягивать с себя полицейскую форму, ступая вперед...

«Я твой напарник, деда. Ты будешь меня прикрывать?» – детский голос прошлого...

Глаза Рональда буравили залитое кровью лицо своего деда. Голос Конрада ярко звучал в голове...

«Я всегда твоя скала, которая будет прикрывать тебя... До тех пор, пока бьется мое сердце... Мой маленький Ронни...»

Ноги не слушались Ронни: рука с натугой отодвигала в сторону сорванную с петли входную дверь, в то время, как взгляд все еще не мог оторваться от застывших трупов жены и деда...

Вот и мать Дебби... Склонив голову (на лице лежали окровавленные волосы), Габриэла была прижата спиной к стене, в углу гостиной. Непроизвольно продолжая идти вперед, словно пробираясь сквозь густой сон, Рональд коснулся ладонью покосившиеся перила лестницы, ведущей на второй этаж.

Кевин и Артур – его мальчишки... Где же они?..

Зажатая в ладони полицейская звезда, которую он не замечал (не замечал, что держит ее в руках с такой силой, что острые углы значка глубоко прорезали кожу: струйками, сквозь пальцы, стекала кровь), выпала из резко разжавшейся руки.

АБСОЛЮТНАЯ ТИШИНА окутала сознание замертво остановившегося Рональда. Лишь полицейская звезда, падая ребром, звонко скатывалась по ступенькам острыми углами, отдавая каждым ударом в голове обрывистым, неестественным звоном металла.

Жизнь – это смесь коварства, пропитанного змеиным ядом. Жизнь – это сладкая ложь, которая в итоге напоит тебя горечью. Кто?!.. Кто придумал этот мир? В чем он идеален?! Это лишь проклятая планета. Становище демонов и залетных лиходеев. Перемены наступают внезапно, и кто был изгнанником, тот станет судьей! Мы не сдадимся в своем деле! Тяжело расставаться с человеком, когда-то любимым тобой... но теперь же отвернувшегося от всех твоих устоев и мировоззрений. Человека, который предал тебя, несмотря на то, насколько ты его любил! Но ты не должен меняться, когда знаешь, что ты прав, в угоду эгоистам, что запали тебе в душу. В мире миллионы людей. Столько же и интересов. Не цепляйся, как за спасательный круг, за одного человека, который видит и не ценит всех твоих пожертвований. Хорошие в современном мире не выживут. Поэтому останутся только дураки. Этот факт раскрывает нам руки для эпохальных действий! В современном мире никому нельзя доверять. Ни брату, ни другу, ни своим детям или паре – никому! Только себе! Сегодня... я боюсь делать добро. Ибо получил много зла за свои благие деяния... Никогда нельзя подпускать человека к тому, без чего не будет тебя самого, пусть даже это будет самый близкий твой человек. Никогда не открывай свою душу полностью перед этим миром и окружающими тебя людьми. Я так просил Господа вернуть меня туда, где были мы все счастливы. Когда я видел счастливые улыбки своих близких... и мне больше ничего не нужно было от этого мира... Я совершил ошибку, сказав однажды небесам, что я самый счастливый человек. И поэтому

они отобрали у меня самое дорогое. Королем можно сделать не каждого, а вот человека, постепенно привыкающего к нищете – любого! И нищета заключается не только в материальном плане.

Для меня есть всего два правила... Будь жестким и не живи прошлым. Иначе, ты не сможешь идти дальше. Ведь жизнь – это красивый обман. Только тебе решать, куда она тебя заведет – в какие пагубные сети. Она все равно отберет все то, чем ты когда-то дорожил. Оставит лишь память... Так пусть заберет и ее! Мы в ней – чертовы рабы, которые даже не попробовали вкус настоящей жизни. Даже на дух не знаем того, что вкусили любимчики небес! Настало время полной свободы, как глаголет философ Дерек! В последний раз помянем те дни, которые мы упустили. И да здравствуют те, в коих мы будем королями своих амбиций!

За последнее время на поверхности крепко закрепились три крупные общины из изгнанников, не считая всех оставшихся одиночных мародеров и мелких бандформирований. Власти, спрятавшиеся под землей и насильственно захватившие нужные им гражданские лица, время от времени, продолжают выпускать на поверхность военное формирование из головорезов, чье название вам всем очень хорошо известно... «Отряд 96» – они расстреливали простых неугодных правительству граждан, в том числе и семьи тех, кого они силой забрали под землю. Они совершают чистку поверхности. Чистку от заразы и от нас! Недавно мы уничтожили одну из таких «вылазок» и посадили их головы на пики, чтобы их могли обзирать подземные «укрыванцы». К местам, где открываются подземные врата, не подступиться! Но скоро мы пробьемся и туда! Мы должны понимать, что наша община одна из тех крупных общин, которые могут заявить о себе и поменять судьбу этого мира! Сегодня у нас нет и не должно быть союзников! Ни среди тех, кто спрятался под землей, ни среди людей Дерек или Апостола. Сегодня мы против всех! У Дерек из общины «Панацея» свои планы. Он преследует свои интересы. Он грезит возглавить этот мир, в то время, как Апостол из общины «Смиранных» собирает людей, дает им кров и призывает всех новоприбывших избегать конфликтов и скрываться, хотя я уверен, что и он лишь ждет своего часа, обрекая людей на безмолвное заклятие.

Порой, лучше преступить закон – общечеловеческий, моральный, в глазах некоторых, чем допустить чье-то явное пренебрежение всеми нами – глупость заблуждения, последствия которого увлекут на дно, из которого не будет выхода – никому!.. Ты растопчешь своих врагов! Сокрушишь древнего дракона! Весь мир падет пред твоими глазами – за все твои мучения! Ты лучший! Я верю в тебя! Поверь и ты в собственные силы! В этом мире слишком много страданий, и создатели этого мира не достойны того, чтоб возлагать на их алтарь страдания своей жизни. Ни Дерек, ни Апостол – не в силах справиться с судьбоносными хозяевами. Пора избавить нас от этого мира...

Мировоззрение лидера

общины «Очистители»

6

*Мне б войти в то состояние
Полудремы, полумечты,
Что б вдохнуть аромат жизнеильный –
Запах родной земли.
Что б чуть-чуть дотянуться, дотронуться
До деревьев, до теплой коры.*

*Осторожным, еле заметным движением...
К дышащим стражам Твоим –
К святым каменным изваяниям,
Нерукотворным, возвышающимся вдали.
Я хочу укрыться равнинами,
Расстилающихся платком.
Устремиться ввысь птицею,
Над лазурной морской волной.
В переключье сольюсь я с чайкою.
В брызги волн уроню слезу.
По тебе, моя драгоценная Родина,
По тебе эти слезы я лью.
Мне так жаль, что в сердце изгнанника
Не утихшая в скорби печаль,
Не вернет те годы, что пройдены,
Словно их покрыла вуаль.
Тайна долга... пред всеми неведомы,
Долго скорбной дорогой мы шли.
Только в сердце своем вдохновенные,
Ввысь стремились,
Где со звездами мы составили уговор:
За вашу свободу бесценную
Мы сердца им свои принесем!*

– Центр! Центр! Как слышите нас?..
– Электропитание будет отключено через минуту, вакуумные насосы кислорода вышли из строя, вся система вышла из строя!..

По кораблю пошла вибрация.

– Что происходит?

ВЗРЫВ!

– Взрыв в левой части борта!..

– Господи, там же наши...

– Автоматически закрываются отсеки... – раздался металлический голос робота.

– Господи, нет, нет, помогите мне!..

ИДГАРД!.. – выкрикивала в панике Лорейн.

– Боже мой, мы не в силах ничего сделать! Лорейн! Лорейн, приди же в себя!..

– Кто-нибудь... Помогите нам! Кто нас слышит? Космодром...

– Приди в себя, Лорейн! Система отключена!.. ЧЕ-Е-ЕРТ!..

ЕЩЕ ОДИН ВЗРЫВ!..

Где-то в космосе...

– Что случилось с Землей? – шепот.

– Я не знаю, Лорейн.

Она глядела в иллюминатор.

– Успокоилась? – глянул он на нее, тяжело дыша.

– Что это были за корабли?

– Я не знаю... Мне холодно.

Она резко обернулась: глаза ее напугано глянули на его рану.

– Идгард! Нет, нет, нет, не смей...

– Все хорошо. Не трогай.
– Сильно болит?
– Пройдет...
– Неужели никто не выжил из команды?
– Навряд ли. Они просто не успели среагировать.
Она посмотрела на вентиляционный отсек над ними.
– Как думаешь, сколько мы протянем?
– Еще несколько минут.
– Мне страшно. Господи, я не хочу...
– Успокойся, прошу тебя, – с трудом потянулся он к ней, попытавшись приобнять. – страшно думать о том, что сейчас с Землей, куда направились все эти корабли, сбившие нас. Обернувшись на иллюминатор, она со страхом сглотнула ком в горле.

Спустя несколько мгновений...

[Начало романа «В клетке со зверем. Книга первая. Ползучие черви»]

– Мы уйдем в небытие?
– Все мы когда-нибудь в нем растворимся.
– Я не хочу умирать... Только не здесь. Только не так!
– Тихо, тихо. Мы так просто не сдадимся, все хорошо. Посмотри, как красиво.
Они смотрели в иллюминатор, говоря шепотом.
– Порой, я хочу дотянуться до нее рукой. Потрогать воду... пройти по влажной траве после утренней росы на моем дворе...
– Ты плачешь?
– Я плачу не из-за того, о чем ты подумала. Я не сказал своему сыну самого главного: нельзя опускаться на дно, только лишь из-за того, что не чувствуешь крыльев. Надо быть выше тех, кто привык ползать.
– Ты плачешь только из-за того, что не сказал своему сыну простую фразу?
– Мы вдали от Земли, здесь могут являться чудеса, и ты должна поверить в них! Наша планета страданий не верит в чудесное, но здесь все иначе. Здесь нет дождя, ангелы больше не льют слез по нам, и никто из людей не сделает нам больше больно. Не ответит на добро злом, из-за своего незнания закона кармы. Послушай, как тихо... и как прекрасно.
– Ты просто говоришь бред. Держи рану крепче. Чудес не было на Земле, не будет их и здесь...
– Еще минуту, – улыбнулся он ей. – Я попросил Господа дать мне еще минуту, чтобы я смог надышаться моей планетой, хоть издалека. Вот какое я хотел чудо.
– Мне трудно дышать. Я... я ухожу, мой милый.
– Только борись, не думай об этом! Борись до последнего вздоха! Слышишь меня?!– Мне страшно. Держи меня за руку, не отпускай...
– Не бойся, моя хорошая. Скоро выглянет солнце. Ну, а пока...
Лорейн перестала чувствовать приобнявшую ее руку друга – его объятия больше не согревали ее. Закрытые веки и склонившаяся в сторону голова заставили в ужасе замереть ее сердце.
– Идгард?..
Она прижалась лицом к его обмякшей руке, боясь поднять взгляд и не увидеть больше его открытых глаз. В ее голове стали проноситься мысли: «Я всегда старалась выглядеть жестче. Теперь же ты увидел, какая я трусиха. И я всегда скучала по нашей Земле. А это и было самое большое чудо, которого мы лишились».

Незаметно для себя она оказалась в тех местах, где...

Так приятно было выйти на улицу, в сырую освежающую ночь апрельского месяца. С пышных холмов, покрытых буйным лесом, тянется легкий ветер прикосновением прохладного муара. Он мельком, неуловимым шелком касается лица, в то время пока ты вдыхаешь аромат душистого лугового многоцветья, вобравшего в себя все ароматы природы. Где-то в стороне, покрытого темным бархатом горизонта, слышен вой волков – его лишь перебивает еле слышимый одинокий ветер, блуждающий меж шероховатой листвой. Ветер играет с листьями, монотонно шуриша ими в ночи, и кажется порою, что это накрапывает дождь, запутавшийся в кудрях молодых побегов...

Я помню, как поднималась на гору. И с высоты холма виднелся лес, что был покрыт туманной дымкой, в рассветную рань, словно мать-природа оберегала свое дитя, и укрыла его от холодного утра. Был слышен щебет птиц, возвещающий о жизни.

Как приятно дышать свежим прохладным воздухом, пронизывающим своим горьковатым вкусом, звенящим своей хрустальной чистотой!.. И каждый раз я задаюсь вопросом... Неужели, я не надыхалась им?.. Нет! Я вдыхаю до хрипоты. Но горло мое раздирает лишь горечь удушья. Мои легкие распирает. Как хочется вкушать запах моей родной земли! Я всегда буду желать его! Эта слабость навечно уйдет со мной, и в веках меня не покинет...

Последняя тоска

космонавта по дому...

Глава 2

Долгая дорога быстрых перемен

7

Шум винтовых лопастей...

– Что скажешь, Тим? **[Обрывистое начало романа «В клетке со зверем. Книга первая. Ползучие черви»]** Я застрелю твою девчонку прямо на твоих глазах, и все, что ты сейчас сможешь – это лишь наблюдать за мной.

Бородатый громила в порванной одежде смотрит на невысокого мужчину с гладко выбритым лицом, крепко удерживающего за горло девушку, приставив к ее виску пистолет.

– Чего же ты молчишь, Тим? Видишь, как все быстро повернулось не в лучшую для тебя сторону, и только лишь из-за того, что ты поверил не в тех, в кого нужно было верить. Чертовы людишки. Неужели вы не можете понять, что нищие так и останутся нищими, и все ваши попытки изменить этот мир, будут заканчиваться одним и тем же... Вашим провалом.

Острые ногти его впились в горло Рейчел – кровь тонкой струйкой потекла по шее.

– Рейчел!

– Расслабься, Тим. Когда я наслаждаюсь победой, мне ничто не должно мешать. Какие пышные губки. Мягкие... налитые жизнью. Так не хочется их уродовать, – водил он пистолетом по ее губам. – Она возбуждается от этого. Видишь, Тим? Я оставляю тебя себе, и разорву, ЧЕРТОВА СУКА!!!

– Не-е-е-ет!

– ОСТАВЬ ЕЕ! Прошу тебя, не делай это при мне. Убей... Просто убей нас всех.

(ТИМ, УСЛЫШЬ МОИ МЫСЛИ. ОН ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ С НАМИ. ПРИЙДИ В СЕБЯ, И ДЕЛАЙ, КАК Я СКАЖУ. ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ? ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ ПОНЯТЬ... Я ВЫБЬЮ ПИСТОЛЕТ, А ТЫ ПОСТАРАЕШЬСЯ ВЫБРОСИТЬ ЕГО С ВЕРТОЛЕТА. ВСЕ КОНЧЕНО, НЕ ПЫТАЙСЯ СПАСТИ РЕЙЧЕЛ. НА СЧЕТ ТРИ. РАЗ... НЕ БОЙСЯ)

ВСПЫШКА!

– Тим!..

Вырывая руки от захватов друг друга, они не прекращали наносить удары между собой по ногам, в торс, голову. Картинка быстро пронесившихся разбитых небоскребов переворачивалась вслед за схлестнувшимися в воздухе, словно следящий за каждым движением обезумевший оператор снимал силуэты дерущихся, и переворачивал следом за ними камеру. Они не замечали, что падают с неба... Не замечали прорезающего их одежду шумящего порыва ветра... Не замечали все ближе видневшиеся руины под ними. Лишь ярость – которая обуяла их! ОНИ НЕ ХОТЕЛИ ДОЖИДАТЬСЯ СОБСТВЕННОГО ПАДЕНИЯ! Они хотели разорвать друг друга прямо в падении!..

– Тим!.. – голос откуда-то издалека позвал его...

В этот момент Сайман поймал его руки в захват: переворачиваясь вместе с ним в воздухе, он зажал их и навалился всем телом. Большие пальцы уперлись в глазницы. Лицо искривилось в ненавистном оскале.

– А-а-а-А-А!..

– ТИМ!...

Он открыл глаза. Затравленно озираясь, не узнавал саму Рейчел.

– Что с тобой, Тимми? Посмотри, посмотри на меня! – она взяла в ладони его лицо. – Все хорошо, Тимми.

– Этот сон...

– Тот самый сон? – настороженно присела она рядом. – Он тебе снится уже в который раз. Еще до всех этих событий...

– Не говори того, что мне и так известно. Где мы?

– На границе с Мексикой. Ты не помнишь? – Рейчел удивленно глядела в вопрошающие глаза Тима.

– Господи, я не знаю, что со мной. Я... – он отстранил от нее лицо. – Я не знаю, что ждет нас дальше.

Люди, я кричу вам! Что с нами делают?! Братья и сестры многострадальные мои, они пьют нашу кровь, едят нашу плоть! Крик мой доходит до небес! Почему же ты, небо, закрылось от нас? Почему мои молитвы не слышат? Отвернулся Ты от нас, Всевышний! Пришли те времена, когда Ты не слышишь детей своих! Отвернул от нас Свое горестное лицо под печальной вуалью! Неужто так быстро настали дни Твои – нашей расплаты?! Не заметили, не успели. Гром Твой грянул давно. О, Господь мой, Многострадальный Отец! Почему Ты отвернул лицо от нас? Ведь Ты обещал не оставить нас сиротами! Надеялись мы на Твои обещания, ходили беззаботно. О, мой Отец Всемогущий! Спаси нас и сохрани! От тех видимых и невидимых, кому дан срок на время, которое им отведено! Небо мое, небо! Земля моя, мать! Дом мой – Тот, чье имя Вечность!

Нам не должны быть примером раздутые от крови простого люда пиявки, зажившие свиньи прошлого мира, которые сидели на богатствах народа и лупцевали нищих плетью – тех, кому и принадлежали эти богатства. Они веруют с выгодой для себя, а не по законам веры, греша, тем самым, больше тех, кто не бьет себя в грудь и не причисляет себя к верующим. Меня часто спрашивают – кто я такой?.. Мое имя Картер Моррис. Я лицо всех оставшихся за бортом. Всех униженных и оскорбленных!

Забудь про отчаяние! Пока ты можешь дышать – все можно изменить! Не сомневайся в своей правоте, когда единственное препятствие на твоем пути – это лишь обстоятельства! Мы все сейчас в одном обстоятельстве, которое нависло над нашими головами, и мы должны его решить! Все вместе! Одной семьей! Вы не остались поодиночке, один на один со своими проблемами, как это было раньше! Ибо сбывается пророчество: «Не оставлю вас сиротами, приду к вам». Пусть это будет утешением для малодушных сердец. Укрепите себя. Ибо после

всего нашего расхищения и рабства, настало время явления Господа нашего. Не во плоти! А в страшных знамениях. И после всего этого будет построен храм новый, на руинах униженной планеты. Храм не рукотворно возведенный – храм несокрушимого Духа в единении человека и Бога!

Склоните головы свои и примите молитву... Да простит меня Бог мой. Да поможет своему заблудившемуся созданию. О, Всевышний Покровитель всех народов – имен твоих не счесть, Ты Отец наш! Пред Тобою я, и Ты знаешь все мои дороги. Ты создал меня. Не оставляй душу мою, не отвернись от меня и веди меня по своей дороге! Как прекрасно быть правильным и верным Тебе! Помоги мне направить людей на путь истины, помоги мне жить по слову Твоему. Отведи от меня погибель нечестивых, что хотят спутать мои пути! Не допусти, чтобы я находил успокоение в мерзости! Отведи от меня невзгоды и печали, чтобы я был примером Твоим для других! Ибо я был заблудившимся путником. Как блажен Твой мир, когда знаешь, что живешь по законам Твоим! Соблюдая каждое слово Твое, дух мой крепчает, и я больше не рассеян, как раньше! Я уверен, и больше нет страха и ужаса в душе моей! Я верую, что Ты не погубишь душу мою! Не допустишь ступить детищу Твоему к мерзости для Тебя, ибо я дитя Твое, о, Всевышний! Умоляю Тебя, чтобы руки мои могли давать пищу сиротам, потерявшим надежду матерям и всем нуждающимся детям Твоим! Не допусти нечистым духам, коих не видели и кои сидят в людях, – не допусти им свернуть с пути Твоего бедных заблудивших и усомниться в Величии Твоем, разорвав их смятенные души! Лишь на Тебя уповаем!

8

– Да-а-а! Я самая счастливая! – раскинув руки, стояла она в машине, несшейся на полной скорости по открытой трассе. – Я птица, Рассел! Птица! **[Отрывок романа «В клетке со зверем. Книга вторая. Когда от меня все отвернулись»]**

– В города нельзя. Над ними нависли корабли. В некоторых мегаполисах идут бои. Те, кто рискнул остаться, передавали по радиочастотам, что эти твари заражают определенных людей какими-то паразитами. На выбор. Не знаю, из чего они выбирают. Но заражают не всех. Мы пытались примкнуть к отдаленным от города поселениям, но те военные... Мы не верили, когда выжившие доносили до людей об этих военных. Отряд... Отряд «96», кажется. Специально подготовленные группы солдат, задача которых... Господи, я не верила в слухи, не верила тем, кто предупреждал... Пока мы сами не увидели их. Они зачищали города и поселения, забирая нужных им людей, и на месте же расстреливали неугодных. Те, кто находился в дальнем конце очереди на эвакуацию, успели убежать. Конечно, не все. Именно благодаря этим уцелевшим, спаслись многие люди, приняв решение бежать и прятаться, нежели ждать помощи от государственных лиц, укрывшихся в подземных городах... Естественно, кто-то не верил слухам, и ожидал этой эвакуации. Говорят, небольшие поселения – не истребляли. Только если начинался бунт. Словно оставляли для эксперимента на поверхности ненужных им людей. Не знаю, что сделали с людьми в больших мегаполисах. Помимо этого «Отряда 96» и паразитов, которые заражают только определенных людей, в миг повсеместно распространилась анархия. Убийцы и прочий криминал, помимо того, что стали зверствовать, насиловать и вырезать всех, кто попадался на их пути, быстро отреагировали, и стали организовывать бандформирования, отмечая каждый для своей банды территории и границы сопротивления. Но это все вам, наверное, известно и без моих слов. Я просто хочу это высказать вслух, так как мы долгое время были в шоке от увиденного, и не могли это обсуждать, пока были в поисках убежища. Я боюсь... Я боюсь, Апостол... что мы не справимся...

– Эти военные... – перебил ее один из людей Апостола. – Они просто вышли из-под земли. Я даже не могу предположить, когда построили эти подземные базы... Одна из таких баз находилась прямо под нашим городком. Разделившаяся пополам земля просто сбрасывала с

себя здания... Как карточные домики. Здания сыпались с поднимающейся вверх земли, словно это были декорации. Я просто не мог поверить своим глазам, что такое возможно!..

Зои разрыдалась.

– Все хорошо, Зои... – Майкл быстро подтянул ее к себе и прижал к груди. Глядя в ее глаза, утирал ладонью ее слезы. – Мы справимся.

– Зои, Майкл... Мы рады, что вы дошли до нас, – тихо и спокойно произнес Апостол.

История Майкла и Зои

[Персонажи романа «В клетке со зверем. Книга вторая. Когда от меня все отвернулись»]

На свадьбу пришли только самые близкие люди. Господи, я еще никогда не была так счастлива! Моя свадьба! Да! Одновременно с этими яркими чувствами радости, меня переполняло неописуемое волнение: оно было желанным, но у меня все тряслось внутри, и поэтому я не могла связать даже мыслей...

– Ты готова?

Зои лишь улыбалась в ответ, но по глазам было видно, что она очень нервничает.

– Эй... – Рассел взял сестру за руки. – Посмотри в мои глаза... Все будет хорошо.

Глаза Рассела придали мне уверенности. Господи, какое было красивое платье! Оно белоснежным шлейфом тянулось за мной!

Шаг... Второй...

Держа под руку своего брата, я считала собственные шаги. Рассел заменил мне отца и мать. Моя поддержка!

Впереди, у алтаря со священником, нас ожидал Майкл. По нему было видно, что он тоже очень нервничает, хоть и пытается скрыть это за улыбкой... Он такой милый, когда улыбается.

«Какая она красивая!..» – я услышала шепот сидящих, и чуть набралась смелости, перестав высчитывать про себя шаги.

О, нет! Майкл смотрит на меня! Он прямо передо мной! Рассел передает меня моему жениху, а сам отходит в сторону. Я хочу обернуться и найти глазами брата, так как мне страшно оставаться без него в такой ответственный момент! Майкл протягивает ко мне свою руку, и я, в ответ, протягиваю ему свою похолодевшую ладонь.

Господи, и зачем я волновалась тогда? Мы не умеем радоваться, когда нужно радоваться. Не умеем ценить лучшие мгновения, и портим их своими нелепыми хлопотами...

Я и Майкл обменялись кольцами, навсегда поклявшись быть вместе... Что бы ни случилось... Люди строят так много планов...

– Можете поцеловать невесту.

В этот момент хотелось счастливо закричать и расплакаться!

А после, ступив со ступенек церкви, я кинула шикарный букет! Его поймала одна из моих подружек. Радостно визжа, она прижала его к груди, послав мне воздушный поцелуй. И в этот момент Майкл подхватил меня на руки, и мы направились к белому лимузину. Перед тем, как сесть в машину, я отыскала глазами дорогое лицо брата, который смотрел на меня и довольно улыбался... Его глаза... Такие добрые и радостные!.. Мы на мгновение уловили взгляды друг друга...

Если бы вы только знали, как я была переполнена счастьем! Я никогда не чувствовала себя такой окрыленной. Я смотрела на Майкла, и только сейчас начинала понимать, что мы сделали. Какой шаг преодолели! Послышались свисты и крики, когда машина дала ход. Майкл улыбнулся, склонив голову ко мне. Божже, он такой красавчик! Волосы, гладко зачесанные,

сбрызнуты лаком... Он еще очень молодой для свадьбы, и я еще до сих пор не представляю, как он решился. Как решилась я! Я бы не осмелилась на этот шаг, если бы не настойчивость Майкла и поддержка моего брата. Майкл моя судьба! Майкл мой на веки!

– ДА-А-А-А!!!!..

Машина медленно поехала вверх по склону, в то время, как близкие люди провожали их доброжелательными напутствиями. Сзади машины было написано:

«Молодожены»

Город Орландо. Штат Флорида.

– Я счастлива-а-а-а! Да-а-а-а-а!..

Они еще долго катались по городу, наслаждались его ночными огнями: сверкающие в огнях небоскребы центра уводили в мечту о светлом будущем. Майкл и Зои, словно два подростка, два лучших друга, смеялись и радовались, в открытых объятиях встречая новую жизнь.

– Я люблю тебя! – высунувшись из люка лимузина, Майкл раскрыл объятия ветру. Рядом от него, в свадебном платье, стояла и радостно смеялась Зои. – Люди, я люблю свою жену! Да-а-а!..

Холодное шампанское мягко дурманило головы. А потом... Мы затаились в номер. Смеясь, мы друг перед другом демонстративно стали снимать с себя праздничную одежду. Изображая страстных и желанных партнеров (я, соблазнительно покусывая собственные губы, старалась, как можно эротичней проделывать все эти шалости), мы, сами не заметив, повалились на кровать. Было какое-то неловкое ощущение, словно все было шуткой – концертом перед наблюдающими за нами невидимыми зрителями... затянувшимся праздником, который захватил нас.

Майкл почему-то перестал смеяться. Лежа на боку перед Зои, он молчаливо глядел в ее глаза. Улыбки у обоих неспешно исчезали.

– Что? – спросила она, наивно улыбнувшись: глаза выдавали совершенно иные эмоции.

Какое-то понимание проскользнуло между ними. Осознание чего-то гнетущего и траурного, что неожиданно настигло их, и чего они не могли объяснить даже самим себе.

Чуть погодя, Зои произнесла:

Такое щемящее чувство

Непонятной, легкой тоски.

Это все просто осень

Заполонила чувства мои.

Я никак к тебе не приближусь,

Я настолько тебя люблю,

Моя бесподобная личность,

Вечный спутник моей судьбы.

На минутку они стали серьезными: с растерянными лицами, с немым вопросом в глазах...

– Что-то ни так, Зои?

– Нет, все хорошо, – а затем, помедлив, Зои решилась спросить... – Зачем ты так смотришь на меня?

– Я что-то предчувствую... И ты тоже?

Могут ли люди помнить о своем прошлом рождении? Могут ли быть все события, происходящие в жизни, фантомами памяти прошлого? А человек этого не осознает, потому что он забывает свой прошлый опыт. Как было ранее сказано, при переходе из плана в план бытия, происходит обнуление памяти. Но подсознание остается всегда. Мысли-формы воплощаются. Откуда мысль? Ведь сказано же: «невозможно ничего придумать нового. Если оно

вам пришло на ум, значит, оно все есть». Ни одна фантастическая книга, ни одна бредовая идея не приходит вам просто так, и не вы открыватели этого. Все это есть. И вы это просто прочитываете из Великих Каналов Общего Мозга Мироздания. А каналы эти, как извилины мозга. Мы же находимся все в одном теле. Человек имеет форму построения всего мироздания. И это не только форма его тела. Даже каждая наша волосинка, каждый наш атом имеет аналог в космосе, мир в мире, бесконечно повторяющийся в единой схеме, от микро до макро миров. И это все единый организм. Но и в то же время вы создаете мысли, и все это воплощается. Пока мы не научимся создавать прекрасный мир, с прекрасными отношениями, пока не созреем для этого, не перестроимся, до тех пор мы будем порождать и демонов, находясь на определенном уровне.

Отрывок транслируемой речи

на восстановленной радиостанции

9

– Папочка...

– Кевин, о, Господи... – Рональд подбежал к лежащему у ступенек второго этажа сыну. Попытался приподнять его, но ребенок тут же вскрикнул.

– Прости, прости меня, о, Господи, о, Бог мой...

– Папочка... – изнываяще стонало дитя: тянущиеся к отцу окровавленные руки дрожали. Боясь прикоснуться к ним, Рональд, закусив губы, чтобы не разрыдаться (сам того не замечая, он стал скулить в еле сдерживаемом безумии) протянул свои руки в ответ, и, словно касаясь невидимой стены, силуэтом обрисовавшей его ребенка, провел ими от головы до ножек лежащего в луже крови собственного отрока.

– Папоч...ка...

– Кевин... Кевин, Господи, Кевин!..

На мгновение Рональд отвлекся на видневшуюся из открытой комнаты руку, которая лежала на половицах, вытянувшись через порог, таивший за собой лишь мрачность: окровавленные пальцы были скрючены и не подавали признаков жизни. Это была ручка его второго сына Артура.

– Папочка... мне так... больно... – сглатывая собственную кровь, глядел на отца изорванный Кевин.

Рот Рональда открылся, чтобы заговорить с сыном, но, все, что получилось изречь – так это длинное, тягучее рыдание, напоминающее вой подбитого зверя. Голова легла к ногам сына, а руки упали, как плети, по бокам Кевина: ногти стали скрести деревянные половицы.

– Не-е-Е-Е-ЕТ!!! ГОСПОДИ!.. ЗА ЧТО?!..

– Папа... по...моги... мне, папочка...

Голова отца приподнялась с пола: налитые слезами покрасневшие глаза устремились на мучавшегося сына.

– Я больше... не могу... папочка... мне так больно...

– Все будет хорошо... Кевин... – привстав на колени, Рональд пытался взять сына на руки...

– Папа... прекрати это... я больше не могу...

Аккуратно подтянув к себе изорванного и захлебывающегося кровью сына, он, поцеловав в голову, тихо обнял его.

– Все хорошо... – объятия стали сжиматься... – Спи моя детка... За окном играет седая ночь...

Слышен хрип...

– Сон мою детку в объятия зовет... в нем... любимая мама ждет... спи, моя детка... закрывай глаза... – маленькое тельце больше не стало сопротивляться, и Рональд, не разжимая объятий, положив лицо на темя сына, затрясся в глухом рыдании...

После освобождения нам дается иллюзия – лишь та, которую мы заслужили в своих терниях. Мало кому дается соткать из вечной тьмы и пробивающегося света свой рай. Рай, сотканный из его сладких воспоминаний, несбыточных мечтаний и любимых лиц. Многие не находят еще при жизни тех, с кем бы остались в вечности. Многим и не дается: кому-то ведь переродиться в поисках себя, своего истинного начала и, в конечном итоге, – выбора... А кому-то уже отправляться на дно ада, где поверхность ада, проверяемая нашу душу, вы уже и так знаете. Блажен и в то же время проклят тот, кто понял систему этого мира. Кто понял... и так и не нашел вечность в лице другого. Твои близкие и родные люди будут лишь воплощением твоего сознания, и они преобразуются в тех, какими бы ты хотел их видеть в твоей жизни. С какими чувствами ты уйдешь в мир иной, с тем и будет твоя душа пребывать, и создаст на их основе твое пристанище уже в новом мире. Нужно отпустить все обиды, всю ненависть и негативные думы, и, прежде всего,... простить себя. Если он каялся, но не мог смириться (в душе он все равно не может простить себя), и чувствует хоть небольшую вину, пусть даже на подсознательном уровне... то он будет страдать в своем новом мире, раскрашенным в темные краски, так как он не смог простить, и будет проходить заново эти круги поиска истины. Все просто зависит от самого человека. Нужно изгнать из мыслей тех, кто поступил с вами несправедливо, изгнать коварную ситуацию, из-за которой, как вам кажется, все ваша жизнь потеряла смысл. Но очень сложно простому человеку забыть всю несправедливость и найти в своей жизни что-то, что было бы чем-то прекрасным, которым наш мозг смог бы заполнить наш спроектированный рай. Мы не научились отстранять от себя негативные думы. Мы не монахи, которые могут абстрагироваться от этого мира и всех его проблем. Да и могут ли они это? Тех, кого мы не простим – искренне, перед смертью, – и там будут терзать тебя, и ты будешь искать причину или выход. Они могут иметь другую личину – являться под другим лицом (ненавистный сосед ли или враг, или сослуживец, не дающий тебе шанса вырваться вперед). Мы будем находить тысячи причин не отпускать ситуацию, которая будет терзать нас даже после перехода. Терзать наши заблудившие души, до времени, пока наша душа не созреет в мудрости!

Есть и те, которые вину своих грехов не чувствовали. И такие люди, обычно, говоря на языке суеверия, превращаются в демонов, где по их же наполненной злобой и мраком душе, не нашедшей ничего светлого и чистого, проектируется их собственный ад, где они, смотря в чем заключается их темное мировоззрение (с бичеванием себя или только кого-то), продолжают пребывать в аду, изводя воображаемых жертв или же себя самого. Некоторые, изнывая и жалея о том, чего они не успели сделать в реальности, пребывают в собственной, сконструированной из их же темного нутра, оболочке, то есть, «варятся в собственном соку». К таким людям часто относятся суицидники. Не нашедшие удовлетворения и не успокоившиеся, мятущиеся души, желают вновь ощутить чувство жизни, реализовав то, что даже не могут спроецировать в своем мире после смерти, так как не вкусили этого. Но не все, наевшись сполна земной жизни, этого хотят. Исходя из всего этого, решается, какой уровень бытия приготовил для себя каждый из нас.

Учение Апостола, доносимое

людям общины «Смиренных»

Глава 3

Нежданное

10

Саудовская Аравия...

Сквозь жаркое бушующее пламя огня прорисовываются их лица...

По лицу скатываются крупные мужские слезы. Кулаки сжимаются, и хочется кричать...

Рослые мужчины стоят перед огромным панихидным костром, и всепожирающее пламя его тянется до небес. Запах людской плоти, сгораемой в огне, пробирается в нос, давая ощущение, что это не сон, а в глазах отображается пламя... Этот треск. Треск брусков дерева и костей павших...

В нескольких районах города также взмыл к небесам дым... В центре рослых мужчин стоял Картес. Прикусывая губы, он не мог остановить скатывающиеся слезы – не хотелось верить, НЕТ! Невозможно было стоять и понимать, что провожаешь всех этих людей: женщин, детей, мужчин, стариков и своих товарищей... в последний путь.

В голове Картеса зазвучала любимая песня павшего Немца... «Motte» группы Rammstein. Картес закрыл глаза, вновь выронив с глаз слезы. Тяжелая ладонь легла на его плечо... Это был двухметровый здоровяк Джед Рид, который посмотрел на Картеса понимающим и в то же время заплаканным детским взглядом: по лицу Джеда, на фоне пламени, блестили следы от скатывающихся слез. Они оба оглядели стоящих людей, которые уцелели в этом безумии – никто не скрывал своих эмоций. Картес глянул на панихидный костер и уверенно сделал шаг вперед. Рука его потянулась к голове... и он отдал честь.

Спустя время...

– Как ты? – Картес присел рядом с Джедом, на занесенный песком порожек разбитого дома.

Они оба находились на окраине, среди руин разрушенных зданий. Джед смотрел на закат багрового солнца, видневшегося меж разрушенной стены, определяющей границы пустынного города. Казалось, что если дойти до этого опаленного нещадным солнцем темно-красного горизонта, покрытого туманным маревом, то можно набрести к подножию лазурных и пенистых волн прохладного океана. Во всяком случае, им очень хотелось в это верить.

– Я никогда не видел такого красного солнца, Картес. Ты глянь, словно движутся миллионы живых букашек в густой прослойке над горизонтом. Или это мираж?

Картес, сощурившись, также устремил свой взгляд в слепящий горизонт, ничего не ответив.

– Я до сих пор не верю во все происходящее... – руки Джеда устало сползли с колен, кончиками пальцев коснувшись горячего песка. – Мне кажется, что я схожу с ума. Мои чувства невозможно передать словами. Да я и никогда не был оратором, который бы вышел перед людьми и стал бы доносить какую-то свою заумную мысль. – Джед нервно хмыкнул, будто осудив себя. – Наверное, это и к лучшему. Найдутся и те, кто прекрасно с этим справится.

Картес недовольно перевел взгляд в сторону.

– Я простой вояка, Картес...

– Человека портят его комплексы.

– Меня, скорее, страх... – Джед глубоко вобрал воздуха и поднял голову к небу. – Я боюсь, что я не справлюсь со всем, что на нас навалилось. Мне кажется, что я не достоин смотреть на этот закат. И я корю себя за желание уйти отсюда... Вновь увидеть свой дом... Вновь увидеть океан. Я не знаю, как объяснить тебе то, что происходит со мной, Картес. Во мне борются два человека... Я хочу и не могу оставить это место.

– Я бы с удовольствием свалил отсюда, – вдруг резко произнес Картес, подобрав и швырнув камушек в сторону разрушенной стены.

– Что случилось с тобой? Я не могу уловить в твоих глазах тебя прежнего... В чем их вина?

– О чем ты?

– Я вижу, как ты смотришь на всех этих бедных людей. Даже когда к тебе подошла израненная женщина и просила помочь ей, ты грубо оттолкнул ее плечом и ушел. Ты стараешься избегать контакта с жителями, которых мы освободили. Пытаешься сделать, чтобы это не было заметно для нас... – Джеж Рид пытался заглянуть в глаза Картеса, который, нахмурившись, отводил взгляд.

– Да-а-а, дружище... В твоих глазах я вижу страшную правду жизни, Картес... что никто никому не нужен, пусть хоть ты преодолеешь настоящий ад с теми, от которых запросто теперь мечтаешь сбежать. И что самое страшное для меня, я нахожу эту мысль и в себе.

– Что ты хочешь от меня? – Картес резко обернулся на Джеда.

– Разве они виноваты, что погиб Немец и многие наши товарищи? Я хочу, чтобы ты перестал искать виновных, и, наконец, пришел в себя. Все, кто выжил – они не причастны к тому...

– Я просто не знаю, как справиться со всем этим хаосом, который нас настиг! – Картес хотел было встать, но Джед настойчиво положил на его плечо свою широкую ладонь, придержав на месте.

– Я понимаю тебя, брат, – видя на глазах товарища еле сдерживаемые слезы, Джед подерживающе похлопал его по спине, хотя сам искал поддержки. – Ты должен выговориться. Сейчас главное – не сойти с ума от этого кошмара.

– Сколько бы мы не сжигали трупы, все равно чувствуется эта вонь, и, не успеешь ты сжечь павших, как выжившие жители вновь находят новый труп... Или в подвалах или в руинах... Или прямо на улицах, до которых мы не успели дойти и очистить их хотя бы от тех же тел. И не прошло даже часа, чтобы мы спокойно присели и выдохнули, как сейчас уселись на этот проклятый песок. Мы постоянно оказываем раненым помощь, постоянно ищем людей, которых, возможно, не нашли, которых пленили эти конченные наемники и запихали по разным подвалам и дырам по всему этому чертовому городу. Нет ни врачей, ни каких-либо лекарств, чтобы лечить раненных. А искалеченные и раненные здесь все поголовно. Тем, кому нужна более серьезная медицинская помощь, чем бинт или антисептик, умирают на наших же глазах, и мы ничего не можем поделать. У нас не хватает рук, Джед, чтобы оказать даже самую элементарную медицинскую помощь. Я не знаю, с чего начинать. Куда ни глянь – везде продолжают умирать люди. Мы даже не понимаем о чем они просят, не понимаем их языка. Хочу просто уйти и забыть их всех. Забыть это место. Я слышу голоса во сне, те, что идут из памяти, те, что я слышу каждый день... И мне кажется, что я никогда не смогу их забыть. Каждую ночь они будут мерещиться мне в моих кошмарах. Разве меня трудно понять? Я помню, как знакомой нашей семьи стало плохо на улице. Она астматик, и в тот день она в первые в жизни забыла лекарство... Опираясь на стены домов, она пыталась доползти до аптеки. Просила всех мимо проходящих помочь ей. Ей трудно было объяснить, что с ней происходит. Один из проходящих мимо зевак даже разгневанно крикнул в ее сторону, что такие пьяницы, как она, надоели всем людям. Как можно не понять, что человек задыхается, а не пьян? Но я не думаю, что все приняли ее за пьяницу. Никто попросту не подходил и не помогал. Все только стояли или останавливались, и глазели со стороны, словно перед ними разыгрывается какое-то дивное представление... Я хочу лишь сказать, что мир не меняется. И люди не изменяются. Закончится эта война – начнется другая. И все зверства по новой. Человек не учится на собственных ошибках.

– Но кто-то же подошел? – чуть погодя, с надеждой в голосе ответил Джед, обернувшись на Картеса.

Словно от слов Джеда в пустыне зашумел ветер. Картес посмотрел на разрушенную стену, за которой виднелись пустынные холмы. У подножия близлежащего холма заиграл песок, поднимаясь вверх маленьким бураном.

– Ты вообще слушаешь меня? – глаза у Картеса нервно бегали, озлобленный уставший взгляд буравил лицо Джеда, будто ища предлог, чтобы осудить его.

– Я понимаю тебя, Картес. Мы не можем оставить их здесь. Я не могу их оставить. К тому же не вернулись Самир и Тень. Гектор в коме. У Ленни что-то с нервами и лицом, бубнит и невозможно понять его...

– Да... ты прав, – растерянно перебил его Картес, как-то замешкавшись на месте. – Мы останемся, пока все не уладится...

– Ты не понял. Я для себя решил. Я вообще не брошу их.

– Что значит – «вообще»? – Картес в недоумении глянул на здоровяка.

– Простите! – голос издали перебил их диалог.

К ним спешно приближался худощавый мужчина в изорванной серой рубашке. Было видно, что рубашка была велика ему: рукава ее свисали до пальцев, и она развевалась на ветру. Темные брюки были запыленные, так же, как и босые ноги. Это был один из выживших этого города, который единственный знал английский и хоть как-то держал разговорную связь между жителями и военными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.